
К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ГУМАНИТАРНОЙ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ*

И.Д. Невважай, Д.П. Суровягин

Саратовская государственная юридическая академия
Вольская ул., 1, Саратов, Россия, 410056

В статье критически оценивается классическая модель знания, лежащая в основе построения математических и естественнонаучных теорий, как образец конструирования гуманитарных научных теорий. Показывается зависимость системной организации знания от родовидовой онтологии Аристотеля, которая неадекватна человекообразной реальности. Рассматривается такая форма организации гуманитарного знания, как синтагма в качестве модели описания искусственной человекообразной реальности.

Ключевые слова: классическая модель знания, гуманитарная научная теория, система и синтагма, модальная онтология, презумпции и фикции.

1. Естественные науки как стандарт научности и построения гуманитарной теории

До сих пор естествознание играет роль лидера науки. Первичным образцом в науке служила геометрия Евклида.

До середины XX в. многими признавалось лидерство физики, затем в лидеры стала выдвигаться биология. Лидерство означает, что соответствующая научная дисциплина накопила ресурсы, которые становятся образцом, парадигмой для других наук. Эти ресурсы могут касаться совокупности представлений о реальности, способов познания, способов построения знания и его обоснования. Поскольку гуманитарные науки в целом формировались позже естественных, то этот процесс протекал на основе заимствования и использования ресурсов естественных наук. Идеалы и нормы научного исследования, выработанные в естественных науках, становились идеалами и нормами в гуманитарных науках.

Научность гуманитарного знания определяется тем, в какой мере оно удовлетворяет критериям научности знания, выработанным в математических и физических науках. К числу важнейших критериев относятся: предметность, объективность, истинность, обоснованность, системность, верифицируемость, фальсифицируемость. Однако весьма проблематична применимость этих критериев к гуманитарному знанию.

Под *предметностью* научного знания понимается его отнесенность к предмету, существующему независимо от факта знания. В гуманитарных дисциплинах предмет исследования есть результат интерпретации. К примеру, известный ученый юрист Г. Кельзен говорил, что норма права есть схема интерпретации поступка, действия. Какие-то действия мы считаем правильными или нет, но это зависит от интерпретации.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-03-00353 «Структура и функции гуманитарной научной теории».

Таким образом, рассматриваемый критерий предметности весьма ограничен в своей применимости, если научная теория сама определяет, что существует независимо от факта знания.

Критерий *истинности* — наиболее значимый для любой науки — состоит в утверждении, что знание обладает признаком соответствия объективно существующему предмету.

Истинность предполагает предметность знания. Истинность знания требует наличия определенных способов установления соответствия знания и действительности.

Рассматривая критерий истинности, необходимо иметь в виду, что существуют разные концепции истины: когерентная, прагматическая, семантическая и другие. Классическая концепция истины неплохо «работает» в естественных науках, так как последние имеют дело с реальностью, которая всегда существует либо всегда может быть воспроизведена, например, с помощью эксперимента. Что касается юридических наук, то им адекватна когерентная, прагматическая и семантическая концепции истины.

Объективность как критерий научности, выработанный в естествознании, означает, что содержание знания не зависит от субъекта. Можно сказать, что объективное знание — это знание мира «без человека».

Подобная трактовка объективности кажется непригодной для социально-гуманитарного познания, поскольку предметом последнего является человеческая реальность, определяемая сознанием, волей, потребностями человека. Правовая реальность, очевидно, не может не зависеть от человека. И дело здесь не в зависимости от субъективных способностей, таких как мышление, чувственность, воля, а, что более существенно, в зависимости содержания социально-гуманитарного знания и познания от человеческих целей, ценностей, идеалов, без которых такое знание и познание просто не существовало бы.

Вопрос о совместимости ценностно ориентированной деятельности людей и объективного ее познания обсуждался многими философами и методологами, но удовлетворительного решения до сих пор мы не имеем [2].

В качестве гипотезы относительно решения обозначенной проблемы можно предложить следующее соображение.

Объективность и ценность вполне совместимы, если ориентация на ценности и выбор ценностей от самого человека не будет зависеть — в том смысле, что отказ от ориентации на определенные ценности, отказ от выбора или не предпочтение определенных ценностей ведет к отрицанию человеком собственной сущности. Тут скрыта простая истина: хочешь выжить — выбирай соответствующие ценности. Таким образом, выбор ценностей в пользу того, чтобы быть, и является для человека объективным выбором. От нас не зависит то, что мы есть, что мы рождены другими людьми, также как от нас не зависит событие нашей смерти.

Обоснованность. Согласно данному требованию всякое научное знание должно иметь свои основания. Эти основания могут быть как эмпирическими, так и логическими. Мы говорим об опытных фактах как об основаниях того или

иного научного утверждения или понятия. Утверждения могут быть основаны и на логических доказательствах.

Еще в античности считалось, что научным знанием является то, которое может быть доказано. Кроме указанных видов оснований, существуют идеалы и нормы научного исследования, научная картина мира и философское мировоззрение. Их особенность в том, что они выполняют регулятивную функцию, ориентируя научный поиск онтологическими, гносеологическими, методологическими и аксиологическими представлениями.

Из критерия обоснованности вытекает требование системности научного знания. В современной науке наиболее развитой и сложной формой системной организации знания является научная теория. В самом общем случае ее необходимыми компонентами являются: 1) принципы (постулаты, аксиомы), 2) законы и 3) понятия (категории). Указанные три блока образуют структуру научной теории, с которой мы встречаемся в области естественных наук. В большинстве гуманитарных научных теорий отсутствует второй блок — блок законов, так как гуманитарные науки не говорят о том, что с необходимостью происходит в действительности, а говорят о том, что должно, не должно, или может происходить в действительности. Таким образом, гуманитарные научные теории содержат редуцированный набор составных элементов, и логическая связь между ними не имеет однозначно дедуктивного характера.

Верифицируемость как требование означает возможность удостовериться в истинности знания. Если исходить из того, что в юридических науках реальность есть следствие интерпретации поступков, то критерий верифицируемости здесь автоматически выполняется. К сказанному надо добавить, что верифицируемость в гуманитарных науках реализуется также в процедурах установления соответствия научных высказываний существующим признанным социально значимым ценностям.

Критерий *фальсифицируемости* состоит в требовании опровержения научного знания. Фальсификация — это критика научного высказывания с помощью логики или фактов. Но в гуманитарных науках суждения о сущем могут критиковаться также с точки зрения представлений о должном. Это ценностная фальсификация.

Таким образом, в целом применимость критериев научности из области естественных наук к гуманитарным наукам не безусловна. Это ставит перед гуманитарными науками задачу выработки собственных критериев научности.

2. Попытка определения специфики гуманитарного знания и познания в немецкой философии конца XIX — начала XX вв.

Принято считать, что интерес к специфике гуманитарных наук появляется в философии неокантианства. Именно в Баденской школе неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Й. Кон, Э. Ласк, Р. Кронер) наблюдается характерный интерес к гуманитарному познанию. Исходным пунктом этого интереса было разделение наук на обобщающие (науки о природе) и индивидуализирующие (науки о культуре и обществе).

Если мы обратимся к произведению Генриха Риккерта «Науки о природе и науки о культуре», то обнаружим, что задача этой работы довольно скромна: обнаружить, какие общие интересы связывают представителей таких эмпирических наук как психология, юриспруденция, история, филология.

Речь вовсе не идет об эффективном методе демаркации естественных и гуманитарных дисциплин, предложить который в условиях большого разнообразия наук и глубокой специализации ученых либо слишком сложно, либо вообще невозможно. Риккерт пытается только наметить два крайних полюса научной деятельности [3. С. 46], между которыми расположены все эмпирические дисциплины.

И науки о природе, и науки о культуре — это области научного труда, насильственное разделение которых ничем не оправдано. Можно даже сказать, что поводом для выделения гуманитарных наук в отдельный комплекс служит не их какая-то особенность, а удивительно эффективная, основанная на прочной методологической традиции сплоченность естественнонаучного знания. Науки о культуре на фоне естествознания выглядят недоразвитыми маргинальными полунауками, что побуждает Риккерта как философа размышлять над таким положением дел.

Гуманитарные дисциплины развиваются за счет усилий отдельных гениальных исследователей, а не за счет сплоченной работы научных коллективов. За исключением отдельных редких трудов, в гуманитарных науках нет примеров систематического размышления над методологией гуманитарного научного исследования. Риккерт считает, что такую ситуацию можно и нужно изменить.

Различие между науками о природе и науками о культуре предлагается провести с материальной и с формальной точек зрения [3. С. 51 и далее], то есть различие по предмету и по методу. Различие по предмету формулируется с помощью самых общих категорий, что не противоречит тезису о невозможности строгого предметного разграничения естественных и гуманитарных наук. Науки о природе имеют своим предметом собственно природу (Natur), то есть то, что существует и развивается независимо от человека, а науки о культуре — культуру (Kultur), то есть то, что создано человеком или включает в себя человека как активную целеполагающую часть (хозяйство, общество, искусство и т.д.). В явлениях культуры воплощены ценности, признанные человеческими сообществами, поэтому объекты культуры можно назвать также благами. Как указывает Риккерт, «о ценностях нельзя сказать, что они существуют или не существуют, но только что они значат (gelten) или не имеют значимости» [3. С. 55].

Таким образом, любую гуманитарную науку можно назвать наукой о ценностях, поскольку такая наука изучает какую-то часть культуры, воплощенную в благах. Собственно термин «Kulturwissenschaft» (наука о культуре) Риккерт считал адекватной заменой традиционного двусмысленного термина «Geisteswissenschaft» (наука о духе). Двусмысленным последний термин считается потому, что не ясно, как следует понимать дух.

В гегелевском смысле культура является проявлением Абсолютного Духа (результат синтеза Идеи и Природы), и в этом смысле для гуманитарных наук можно сохранить привычное название «Geisteswissenschaften». Но дух можно также по-

нимать как индивидуальное самосознание человека, как душу, и в таком случае, конечно, гуманитарные науки не ограничиваются сферой духа, то есть не сводятся к психологии. Риккерт настаивает на том, что духовное не нужно отождествлять с психологическим, и называет науки о культуре также историческими науками в широком смысле слова.

Русский термин «гуманитарная наука», не имеющий аналога в немецком языке, также является двусмысленным, поскольку не ясно, о каком «человеке» должна идти речь. Однако путаницу такое словоупотребление вызывает редко, поскольку понятие «гуманитарная наука», как правило, используется просто как собирательное название для множества дисциплин, не являющихся естественнонаучными или математическими. В этом случае в число гуманитарных наук включается все: от журналистики и педагогики до философии и логики.

Что касается метода, отличающего, по мнению Риккерта, науки о культуре, то он тоже определяется через противопоставление главному методу естественных наук.

Естествознание стремится к формулировке общих законов. Но целью исторической науки никогда не является установление закона, поскольку историческая наука работает с действительностью, которая всегда индивидуальна, хотя и может повторяться. Историческая наука (наука о культуре) «индивидуализирует», то есть описывает уникальные особенности изучаемого ею явления. В разные эпохи разным явлениям культуры приписываются разные ценности, причем это приписывание не обусловлено причинно-следственными отношениями. Если предметы естественных и гуманитарных наук выражаются в оппозиции «природа — культура», то различие их методов иллюстрируется оппозицией «причинно-следственная связь — свободное приписывание ценностей». Решающим обстоятельством для логики гуманитарных наук является то, что эти науки не хотят обобщать. Разумеется, это разделение «генерализирующего» и «индивидуализирующего» методов не является дихотомическим. Оно только служит прояснению причины разнонаправленности естественнонаучного и гуманитарного познания.

Немецкий философ и историк культуры Вильгельм Дильтей считал, что методы «наук о духе» обусловлены спецификой предмета познания, и поэтому основным методом такого познания является метод понимания, поскольку благодаря ему происходит проникновение в духовный мир автора произведения.

В то время как в науках о природе основная функция — это объяснение, то есть подведение известного нам факта под закон. Дильтей выделял два вида понимания: понимание собственного внутреннего мира, достигаемое с помощью интроспекции (самонаблюдения), и понимание чужого мира — путем вживания, сопереживания, вчувствования (эмпатии). В обоих своих видах понимание — это «процесс, в котором на основе внешних, чувственных данных постигается внутреннее» — прежде всего внутренняя духовная жизнь человека, ее развитие, специфика и уникальность. Такое понимание — это не концептуализация, а тотальное создание духовного состояния и его реконструкция на основе вчувствования. Здесь не нужны ни законы, ни теории, ни даже общие понятия.

В меньшей степени рефлексии подвергалась форма организации гуманитарного знания, в которой выражено содержание мира культуры и ценностей.

Однако вопрос о форме знания имеет большое значение в ситуациях, когда строится новая гуманитарная теория, когда критически оценивается гуманитарная теория с точки зрения степени ее научности. До сих пор эти проблемы решаются с ориентацией на образец, в качестве которого выступает форма организации естественнонаучного и/или математического знания. Эту ситуацию мы считаем неприемлемой, поскольку, как будет показано ниже, система естественнонаучного или математического теоретического знания связана со спецификой предмета и метода этих наук. Для начала рассмотрим общепринятые представления о научной теории.

3. Понятие «научная теория»

Теория — многозначное понятие. Определенный узус этого слова сложился не только в научной, но и в повседневной практике. Обычно теорией называется выраженная в языке точка зрения индивида на определенный предмет. Например, в скетч-шоу «Летающий цирк» английской комик-группы Monty Python в серии «The All-England Summarize Proust Competition» есть эпизод о некой мисс Энн Элк (персонаж Джона Клиза), которая в эфире телепрограммы «Выпад» утверждает, что является автором новой теории о бронтозаврах. Новая теория заключается в следующем: все бронтозавры тонкие с одного конца, гораздо толще посередине, и затем опять тонкие с другого конца.

С одной стороны, пример кажется абсурдным, поскольку слово «теория» в эпистемологии обычно отсылает к чему-то научному и значительному, например, к теории эволюции Дарвина или теории относительности Эйнштейна.

С другой стороны, нетрудно представить, как теория о бронтозаврах может быть дополнена различными положениями и объяснениями и окажется вполне «серьезной» научной теорией. На каком основании определенную точку зрения на данный предмет мы называем теорией? Для ответа на этот вопрос рассмотрим некоторые философские определения теории.

Определения теории, как правило, весьма неопределенны. Философ науки В.С. Швырев различает теорию в широком и теорию в узком смысле слова: «Теория — в широком смысле комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле — высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности — объекта данной теории» [5. С. 42].

Эти определения, на наш взгляд, уязвимы для критики.

Рассмотрим определение теории в широком смысле слова. Прежде всего, поставим вопросы: почему некоторые представления, взгляды и идеи объединяются в комплекс? На каком основании они могут быть названы элементами одного комплекса? В каком отношении находятся эти элементы?

В определении сказано, что эти представления и идеи направлены на объяснение какого-либо явления. Но здесь возможно скептическое возражение: одному и тому же явлению можно дать два объяснения, которые будут противоречить друг другу. Общий предмет — это недостаточный критерий для объединения идей в теорию. Достаточно ли будет сказать, что все логически непротиворечивые

идеи относительно одного явления образуют теорию? Очевидно, нет, так как с точки зрения теории представления о предмете бывают правильные и неправильные, релевантные и нерелевантные.

Определяя теорию в узком смысле слова, В.С. Швырев объявляет ее самой развитой формой организации знания. Это утверждение также непонятно, поскольку критерий организованности знания в данном контексте не задан. Теории логики и математики просты и дедуктивно систематизированы, их организацию можно объяснить и продемонстрировать. С другой стороны, например, социологические или философские теории содержательно слишком сложны, чтобы можно было ясно представить их логическую структуру. Но едва ли отсюда можно сделать вывод, что подобные теории суть неразвитые формы организации знания.

Далее, неоправданным кажется употребление оценочных прилагательных в определении теории.

Что значит, что теория дает «целостное» представление о предмете? Нецелостное представление о предмете — это, очевидно, такое представление, в котором какие-то аспекты предмета упущены. Но относительно большинства теоретических представлений можно сказать, что они не полностью описывают свой предмет, от каких-то аспектов предмета теория абстрагируется. Кто, кроме автора теории, может ручаться, что упущенные аспекты не были «существенными», что они не являлись необходимыми компонентами «целостного» представления?

Нам представляется, что в определениях В.С. Швырева не уделено должного внимания то принципиальное обстоятельство, что всякая теория всегда выражается на определенном языке. Множество представлений, идей и взглядов нельзя считать теорией, пока оно не зафиксировано в высказываниях, то есть пока не станет возможной передача этого множества идей, именуемого теорией, от одного субъекта к другому.

В связи с этим правильным нам представляется понимание теории, предложенное Ф.П. Рамсеем: «Попробуем описать теорию просто как язык для обсуждения фактов, которые, как говорят, теория объясняет. Это не обязывает нас к философскому вопросу о том, является ли теория только языком. Скорее, если бы мы знали, на какую разновидность языка она претендует, если претендует вообще, то могли бы продвинуться в том, чтобы обнаружить, что это за язык» [6. С. 162].

Это более простое определение теории содержит меньше спорных моментов и охватывает большее число случаев употребления слова «теория». Существуют факты, которые требуется описать и объяснить, есть события, которые требуют истолкования. Для выполнения этих функций субъект создает язык, содержащий названия элементарных объектов предметной области, правила определения более сложных объектов и правила перевода выражений созданного языка в выражения других существующих языков. Такой новый язык является теорией.

Если теория понимается как язык, то и теория о бронтозаврах, и теория относительности суть теории. В первом случае новыми терминами для описания предмета будут слова «бронтозавр», «толстый», «тонкий» и т.д., во втором случае — понятия «инерциальная система отсчета», «материальная точка», «скорость света» и т.д. Многие понятия теория заимствует из естественного языка, но она

связывает их с конкретной языковой ситуацией описания определенного предмета. Изменение контекста употребления слова изменяет значение этого слова. По сути, теорию можно понимать как выделенный фрагмент естественного языка, специально измененный для описания и объяснения выбранного предмета.

Многие научные теории имеют простую логическую форму. Поэтому знание структурных особенностей элементарных теорий имеет эпистемологическую ценность. В связи с этим большое значение имеет понятие дедуктивной систематизации.

К.Г. Гемпель определяет дедуктивную систематизацию через три повсеместно применимых в науке операции: объяснение, предсказание и ретросказание. Научное объяснение, предсказание и ретросказание имеют одну и ту же логическую структуру: они показывают, что рассматриваемый факт можно вывести из других определенных фактов с помощью специальных законов. В простейшем случае этот тип рассуждения можно представить в виде схемы как дедуктивный вывод, форма которого содержит утверждения об определенных фактах (например, о положениях и импульсах определенных небесных тел в определенное время), общие законы (например, законы ньютоновской механики) и, наконец, заключение, говорящее о том, что объясняется, предсказывается или ретросказывается. Доказательство имеет силу только в том случае, если его заключение дедуктивно следует из посылок [1. С. 148].

Таким образом, теория, с точки зрения логики, есть множество предложений, объединенных отношением дедуктивного вывода.

Степень дедуктивной систематизации может быть критерием классификации теорий.

(1) В содержательных теориях дедуктивные связи между высказываниями, как правило, не выявлены. Такие связи подразумеваются, и на их существование указывают слова «следовательно», «поэтому», «если ..., то ...» в тексте теории. В качестве посылок в таких теориях используются гипотезы, а дедуцированные из них положения считаются условно истинными, то есть истинными с определенной степенью вероятности. К таким теориям относится большинство теорий естественных и гуманитарных наук.

(2) Аксиоматизированные теории представляют собой дедуктивно организованные системы, где из высказываний, принятых в качестве исходных (аксиом), выводятся все другие положения (теоремы). Это такие хорошо организованные теории, как геометрия Евклида, теория относительности Эйнштейна, аксиоматизированная арифметика Пеано и т.п.

(3) В формальных теориях (исчислениях) дедуктивно систематизировано не только само знание, но средства его получения: логические законы и правила дедуктивного вывода. Для таких теорий формулируется специальный символический язык, в котором строго определен алфавит теории, то есть перечень допустимых символов, и заданы правила построения корректных выражений: от элементарных термов до сложных формул. Лишь некоторые аксиоматические теории математики и логики удовлетворяют требованию формальности. Именно такие теории можно было бы назвать «высшей формой организации научного знания»,

но такие теории бессодержательны, то есть они представляют собой, по сути, схемы знания, а не само знание.

С точки зрения логики нет никакого смысла делить теории на гуманитарные, естественнонаучные, математические, ненаучные или какие-либо другие. Теория может описывать или пространство—время, или закономерности воспроизводства населения, или особенности литературного стиля философии Камю, или онтологические основания бытия Бога, или форму бронтозавров, но она остается теорией, если у нее есть предмет, автор и особый язык описания выбранного предмета. Разумеется, теории могут иметь большее или меньшее значение для развития науки и экономики, они могут иметь больший или меньший эвристический потенциал, они могут давать целостное или фрагментарное представление о своем предмете, но все эти особенности не меняют логическую основу теории.

Из сказанного следует, что специфика гуманитарной теории обусловлена особенностями языка, применяемого в гуманитарных науках для описания особых «гуманитарных» предметов. Большинство гуманитарных теорий являются содержательными теориями, но это не значит, что они не могут стать аксиоматизированными или даже формальными теориями. Специфическая сложность и аморфность языка гуманитарных теорий часто затрудняет выявление их логической структуры, но не доказывает отсутствие такой структуры, или наличие особого гуманитарного способа теоретизирования.

Но являются ли описанные представления о теории столь уж безразличными к содержанию действительности? Для ответа на данный вопрос, обратимся к истокам современных представлений о строении научной теории, которые специалисты находят в философии античности.

4. Классическая модель знания и родовидовая онтология

Истоки современных представлений о строении научной теории специалисты находят в философии античности. Наиболее значима здесь фигура Аристотеля [10].

Аристотелевская модель знания есть система S предложений и понятий, которая удовлетворяет следующие условиям:

- (1) все предложения и понятия S относятся к определенному набору объектов;
- (2a) в S есть множество так называемых фундаментальных понятий;
- (2b) все другие понятия, встречающийся в S , составлены из этих фундаментальных понятий;
- (3a) в S существует множество так называемых фундаментальных предложений;
- (3b) все другие предложения S следуют из этих фундаментальных предложений (доказуемость);
- (4) все предложения S истинны;
- (5) все предложения S универсальны и необходимы в том или ином смысле;
- (6) нефундаментальное предложение является истинным, если оно доказано в S ;
- (7) нефундаментальное понятие вводится через его определение в S .

Дедуктивно-аксиоматическая структура считается классической, образцовой моделью для построения развитой системы научного знания — научной теории. Прежде чем оценивать адекватность данного образца особенностям гуманитарного познания, обратимся к истории формирования систем научного знания, опираясь на работы А.П. Огурцова [4; 5].

Учение Аристотеля о знании основывается на его родовидовой онтологии. У Аристотеля основанием физики является иерархическое отношение субординации. Это накладывает существенный отпечаток на его трактовку системности бытия. «Аристотель интерпретирует системность бытия как развертывание субстанций своих частных форм, т.е. строит метафизику субстанциальных форм» [4. С. 160]. Физическая реальность оказывается совокупностью родов, которым подчинены определенные виды. Теория, которая должна соответствовать такой реальности, строится как система логически субординированных форм. В античной философии, как отмечает А.П. Огурцов, «термин „система“ характеризовал упорядоченность и целостность естественных объектов» [4. С. 163].

Таким образом, дедуктивно развертываемая с помощью силлогизмов система теоретического знания адекватна родовидовой онтологической модели. Античным образцом системного построения научного знания стала геометрия после Евклида. Аксиоматический метод изложения воспринимается с тех пор как образец системного изложения научных истин.

Теоретическое, спекулятивное знание в античности отождествлялось с философией, а предельным, окончательным основанием теоретического знания считалось «беспредпосылочное начало», т.е. такое начало, которое не нуждается в каком-либо обосновании.

Такой подход, характерный для античной философии, по-разному реализовывался Платоном и Аристотелем. Так, для Платона разумное познание переходит от предпосылочного знания к знанию, свободному от предпосылок и совпадающему с порождающим бытием — идеей Блага. Лишь перейдя к этому беспредпосылочному началу, можно найти способы оправдания принципов остальных наук.

Разумное осмысление этого «беспредпосылочного начала» является задачей диалектики, а не частных наук. Это «беспредпосылочное начало» есть тождество идеи и бытия, мышления и становления, смыслового и несмыслового содержания. Оно не возникает, не уничтожается и служит истоком возникновения и движения всего остального. Это «беспредпосылочное начало» является порождающей моделью вещей. Модель знания, которая отстаивалась и пифагорейцами, и Платоном, представлялась как органическая система, в рамках которой и получают смысл отдельные понятия, или элементы. Здесь не допускается возможность непосредственных, очевидных начал, исходных, недоказуемых принципов, а доказательство в диалектическом способе рассуждения истолковывается как определение через нечто противоположное, как рефлексивное определение через другое. В этом случае доказательство можно вести по кругу, т.е. одно можно доказать из другого и обратно. Исходный пункт этой «круговой» модели знания заключается в утверждении рефлексивности понятий, каждое из которых определяется только из своей противоположности и из целостной системы отношений [5. С. 93].

Диалектике Платона Аристотель противопоставляет дедукцию. И в противовес органицистским моделям бытия и знания Аристотель строит фундаменталистскую и линейную модель знания, где процедура обоснования начинается с некоторого пункта. Регресс в бесконечность процедур обоснования прерывается и останавливается на определенных, недоказуемых, очевидных и известных началах, составляющих фундамент знания. Здесь, в отличие от бесконечного диалектического опосредования целостностью, познание находит точку опоры и строит формы знания на этом основании. Высшим и безусловным началом знания и бытия является, по Аристотелю, принцип противоречия, который одновременно оказывается и принципом логического мышления, и принципом бытия, обозначая фундаментальную структуру бытия, в которой всегда есть разница между «быть» и «не быть».

Современная наука, очевидно, абсолютизирует значимость аристотелевской родовидовой онтологии и, соответственно, идеал системной и иерархической организации научного знания. Указанная онтология оправдывает убеждение физиков в том, что новая «более фундаментальная» теория содержит старую и «менее фундаментальную» теорию как свой частный случай. Отсюда «идеология», согласно которой целью физики является поиск общей теории «всего».

5. Синтагма и модальная онтология гуманитарных наук

Важно подчеркнуть, что в истории античной метафизики мы находим разные образцы построения знания. Наряду с «системой» мы находим, как отмечал немецкий философ конца XIX — начала XX в. Рудольф Эйкен, другую модель, которую он обозначил как «синтагма» [9].

Согласно Р. Эйкену, развитие античной мысли связано с переходом от синтагм к системам. Это соответствует процессу отделения наук от философии и формированию автономных научных систем знания. При обсуждении вопроса о структуре гуманитарной научной теории интерес представляет первичная форма донаучного знания — синтагма. В отличие от «системы», которая характеризовала упорядоченность и целостность естественных объектов, термин «синтагма» характеризует упорядоченность и целостность искусственных объектов, прежде всего продуктов познавательной деятельности. Такое размежевание терминов обусловлено, в частности, постепенным осознанием в античной философии того обстоятельства, что способы систематического изложения результатов познания (в устной речи, а тем более в письменных трактатах) не совпадают с принципами организации бытия [4. С. 163].

Синтагматический способ организации ментальных феноменов, отличный от систематического способа, основан на онтологии, которая не безлично объективна, а подчинена видению человека. Если в системе конечным основанием выступают аксиомы, в которых выражены всеобщие онтологические принципы, то активность сознания является конечным смысловым основанием всякой теоретической синтагмы.

Конечно, мы привыкли к тому, что научное знание имеет системный характер, полагая при этом, что такой характер является универсальной характеристи-

кой научности знания. Поэтому несистемность — это, якобы, удел до- и вненаучных форм знания. Но правдоподобно предположить, что существуют не системные формы организации научного знания. Нам представляется, что для определения модели гуманитарного научного знания стоит обратиться к понятию синтагмы. Синтагма — это такой способ организации духовной жизни и ее результатов, когда ментальные феномены возникают и существуют в жизненной ситуации общения, где мышление существует в потоке исторических и культурных ситуаций.

Синтагматическая концепция знания восходит к пифагорейцам и Платону. Онтологию этих философов можно назвать «этической онтологией», поскольку первоначала бытия оказываются не стихиями сущего. Здесь еще отсутствует разделение идеального и материального, внутреннего и внешнего, психического и физического, истины, красоты и добра. Поэтому их учение о бытии является вместе с тем и учением о Космосе, о Логосе и Психее. Синтагматический способ организации знания о мире включает в себя человеческий опыт (в том числе и опыт познания) как источник этой организации.

Для понимания того, что такое синтагма, то есть «конституция» гуманитарного научного знания, обратимся к одному любопытному наблюдению С.И. Вавилова, которую мы почерпнули из статьи А.П. Огурцова [4]. С.И. Вавилов писал об особенности античной науки: «Оптика в точном греческом значении слова была наукой о зрении. Ее задача состояла прежде всего в объяснении наиболее загадочного для древнего человека факта возникновения в глазу изображения, подобного окружающим предметам... Изображения вне глаза научились получать, по-видимому, только в XV в., в камере-обскуре (Леонардо да Винчи)» [4. С. 161].

Таким образом, оптика для греческих мыслителей была не физической наукой об объективных явлениях, а наукой *о зрении*. Свет понимался ими не объективно-механически, а субъективно, что было обусловлено не только отсутствием оптических приборов, но и трактовкой знания в античности. Поэтому синтагму можно понять как совокупность представлений о том, как формируется знание о культуре и человеческом «духе».

В гуманитарном познании объект включает познающего субъекта. В какой форме это может быть выражено в знании? В синтагме присутствие субъекта в познаваемой реальности выражено тем, что знание фиксирует или выражает субъективное отношение к объекту в объективированных формах и, прежде всего, в языковой форме. Вне контекста этих отношений объект не может быть описан. То есть гуманитарная теория есть теория условий познания, субъективного человеческого отношения к миру. Это отношение может быть изменено, и тогда описываемая реальность также изменяется.

Какие же формы знания описывают отношение человека к действительности?

Они хорошо известны из области юридического знания. Это принципы, презумпции и фикции. Презумпции и фикции говорят о том, что происходит в правовой реальности, которая есть ни что иное, как совокупность интерпретаций человеческого опыта, поступков, действий. Теория предлагает общие основы таких интерпретаций, она обеспечивает единство интерпретаций. Такова, по сути, одна из важнейших функций правовой конституции как основного закона страны.

Так понимаемая синтагма имеет своим онтологическим основанием модальные формы бытия. Природа как предмет изучения естественных наук не имеет деонтических модальностей. Человеческий мир принципиально модален. Модальная онтология — это онтология объективно-субъективного комплекса «мир — человек». В качестве возможной модели модальной онтологии человека размерной реальности, мира культуры, мы могли бы предложить трехмерную модель бытия, в которой базовыми координатами являются «запрет», «разрешение» и «долг» [3]. Поэтому высказывания любой гуманитарной теории всегда содержат те или иные модальности. Это обстоятельство указывает на совершенно иной характер логических отношений между теоретическими высказываниями в гуманитарных теориях, по сравнению с теориями в математике и естествознании.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гемпель К.Г.* Дилемма теоретика: Исследование логики построения теории // Гемпель К.Г. Логика объяснения. — М., 1998.
- [2] *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемические главы. — М., 2002.
- [3] *Невважай И.Д.* Человек «религиозный», «технический», «естественный» и границы техники // Сборник материалов XIV конференции «Наука. Философия. Религия»: Человек в техническом мире: вызовы XXI века (г. Дубна, 10—11 ноября 2011 г.). — М., 2012. — С. 111—125.
- [4] *Огуцов А.П.* Этапы интерпретации системности научного знания (античность и Новое время) // Системные исследования. Ежегодник. — М., 1974. — С. 154—186.
- [5] *Огуцов А.П.* Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. — М., 1988.
- [6] *Рамсей Ф.П.* Теории // Рамсей Ф.П. Философские работы. — М., 2011.
- [7] *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: Пер. с нем. — М., 1998. — С. 44—128.
- [8] *Швырев В.С.* Теория // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. IV. — М., 2010. — С. 42.
- [9] *Эйкен Г.* Смысл и ценность жизни. — Харьков, 1911.
- [10] *Jong de W.R., Betti A.* The Classical Model of Science: a millennia-old model of scientific rationality // Synthese. — 2010. — V. 174. — P. 185—203.

ON A STRUCTURE OF HUMANITARIAN THEORY

I.D. Nevvazhay, D.P. Surovyagin

Saratov State Law Academy
Volskaya Str., 1, Saratov, Russia, 410056

In the paper a classical model of knowledge is critically estimated. It is a foundation of construction of mathematical and natural-science theories, and a sample of designing of humanitarian scientific theories). Dependence of system organization of knowledge from kind-species ontology shows. That form of organization of knowledge is inadequate to human reality. Syntagma as model of a description of artificial human reality is discussed.

Key words: classical model of knowledge, humanitarian scientific theory, system and syntagma, modal ontology, presumption and fiction.

REFERENCE

- [1] *Gempel' K.G.* Dilemma teoretika: Issledovanie logiki postroenija teorii // *Gempel' K.G.* Logika ob'jasnenija. — M., 1998.
- [2] *Mikeshina L.A.* Filosofija poznanija. Polemicheskie glavy. — M., 2002.
- [3] *Nevvazhay I.D.* Chelovek «religioznyj», «tehnikeskij», «estestvennyj» i granicy tehniki // Sbornik materialov XIV konferencii «Nauka. Filosofija. Religija»: Chelovek v tehničeskom mire: vyzovy XXI veka (g. Dubna, 10—11 nojabrja 2011 g.). — M., 2012. — S. 111—125.
- [4] *Ogurcov A.P.* Jetapy interpretacii sistemnosti naučnogo znanija (antichnost' i Novoe vremja) // Sistemnye issledovanija. Ezhegodnik. — M., 1974. — S. 154—186.
- [5] *Ogurcov A.P.* Disciplinarnaja struktura nauki. Ee genezis i obosnovanie. — M., 1988.
- [6] *Ramsej F.P.* Teorii // *Ramsej F.P.* Filosofskie raboty. — M., 2011.
- [7] *Rikkert G.* Nauki o prirode i nauki o kul'ture // *Rikkert G.* Nauki o prirode i nauki o kul'ture: Per. s nem. — M., 1998. — S. 44—128.
- [8] *Shvyrev V.S.* Teorija // *Novaja filosofskaja jenciklopedija: V 4 t. T. IV.* — M., 2010. — S. 42.
- [9] *Jejken G.* Smysl i cennost' zhizni. — Har'kov, 1911.
- [10] *Jong de W.R., Betti A.* The Classical Model of Science: a millennia-old model of scientific rationality // *Synthese.* — 2010. — V. 174. — P. 185—203.